

Глава V. Наше времечко настало. (1917-1919)

*Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым седоком.*

1. Страстная жажда признания

Есенин находится в состоянии эйфории. Свобода от всего всегда пьянит. Свобода от армии, от песнопений царям, от расшаркиваний в гостиных петербургской знати. Мы, крестьянские поэты: Есенин, Клюев и другие – теперь являемся хозяевами жизни и хозяевами поэзии. Встретив недели через две после февральской революции дворянина Рюрика Ивнева, своего собрата по перу, компания возбужденных "крестьянских" поэтов во главе с Клюевым заявила:

– Наше времечко пришло.

После Революции дворянин Ивнев испугался. Испугались многие. Кто побежал из России, кто перешел к большевикам. Есенин выжидал. Скорее всего, не волновали его никакие революционные страсти, и не думал он о спасении собственной шкуры. Слава первого поэта России – этот фантом постоянно двигал его поступками, руководил мыслями, направлял желания. И стихи Есенина своим удивительным перезвоном, весенней свежестью, страстной верой в свою восходящую звезду заговорили, заискрили совсем по иному. Обращаясь к матери, Сергей уже видит себя в новом звании:

*Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.*

Однако эта вера в свою исключительность не уничтожила его природной "крестьянской" интуиции - выбрать себе новых покровителей. Есенин легко менял их и переходил от одних политических партий и групп к другим, не вникая в их суть. Ему нужны были люди, которые поддержат его претензии на первенство, его

поэтический талант, признают в нем лидера. Он легко менял окружение: от царскосельских монархистов в 1917 году он легко переходит к эсерам. Да, эсеры более других выражают мнение крестьянства, значит, они помогут ему и его гвардии "крестьянских поэтов".

Печатаясь с Клюевым, по-прежнему посещая с ним вечера, где он читает свои новые, овеянные революционным духом стихи, Есенин чувствует, что уже тесны ему рамки клюевской "избяной" поэзии. Им интересовались теперь не только как поэтом из народа. Есенин поверил в свою звезду. Клюев уже для него не учитель, а, может быть, и не старший брат. Кончилась власть Клюева над Есениным. И духовная и физическая. Кончилась любая власть над ним.

Молодой поэт чувствует, что действительно пришло его время. По мнению Сергея, новая Русь, освобожденная от власти городских, интеллигентных поэтов и их знатных покровителей, скоро обратится к новым именам, к новым "пророкам" и провозвестникам будущего.

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

.....

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.

В этом стихотворении проявляется полностью затаенная невротическая гордость Есенина о собственном предназначении, о своем величии и первенстве. Мы уже говорили ранее, что в невротическом поиске славы особую роль играют воображение и фантазии. Эти фантазии постоянно искажали реальность, в которой существовал Есенин. До революции Сергей в своем воображении создавал некий миф о себе, как носителе "вечных" ценностей, связанных с крестьянским, изначальным, идущим от самой земли, идеалом жизни. Он мечтал получить

одобрение и признание, выступая перед любой аудиторией в нелепых костюмах "опереточных пейзажей". Роль, которую воображения играет при поиске славы, можно сравнить с грезами о мистическом совершенстве или таинственной святости. Эти грезы двигали всеми его поступками, особенно в последнее время, когда он встречался с Распутиным, или читал стихи перед царской семьей.

Сейчас, когда Революция освободила его мысли о себе от сковывающих элементов реальной жизни, в виде важных редакторов, светских снобов и ценителей, поэтической элиты и аристократических салонов, Сергей начинает уходить в фантастику в своем воображении, в область неограниченных возможностей. "У всех влечений к славе есть общая черта, – пишет Карен Хорни, – стремление к приобретению больших знаний, мудрости, добродетелей или могущества, чем дано человеку; все они стремятся к абсолютному, беспредельности и бесконечности. Ничто меньшее, нежели абсолютное бесстрашие, мастерство или святость, ни в какой мере не устроим невротика, одержимого влечением к славе...Невротик – это Фауст, не удовлетворенный знанием много; он хочет знать все".

Неужели Есенин сможет разгадать эту последнюю тайну, данную человечеству при его рождении, — тайну Бога. Самоидеализация поэта достигает кульминации. Он находится в каком-то мистическом экстазе, с обостренными чувствами, с учащенно забившимся сердцем, со спутанными в голове мыслями. Он, Сергей Есенин, разгадает тайну Бога, ибо он избранник божий, которому от рождения дано и вдохновение, и талант, и поэтическая смелость, которой у него не меньше, чем у библейских пророков, разговаривавших с Богом:

Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, —
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей"

Он был горд своей новой, рожденной в его фантазиях миссией. Эту перемену заметили многие его друзья, встречавшие Сергея в весенние дни Февраля.

С таким радостным настроением Сергей встретил в левозерской газете "Дело народа", в которой напечатал около 60 стихотворений и малых поэм,

обаятельную, смешливую и весёлую девушку. Это была секретарь-машинистка газеты Зинаида Райх. Поистине "тургеневская" девушка, подумал Сергей, вкладывая в это слово большой смысл. Еще в юношеские годы называл он свою милую Машу Бальзамову "тургеневской Лизой". Этот идеал юности снова возникает перед ним, он очарован, но еще не влюблен. Но любовь уже давно стучится в его сердце. «Оба были молоды, независимы, хороши собой, – вспоминал Л.Г. Варшавский, – полны нерастрченных сил, оба жили в предвкушении близких и радостных перемен. Тем, кто видел их вместе в то время, вероятно, казалось, что они созданы друг для друга: синеглазый, золотоволосый Есенин и темноволосая, с глазами как вишни, удивительно женственная Райх».

Зинаида Николаевна Райх родилась 3 июля 1894 года в Одессе. «Ее мать Анна Ивановна Викторова, – пишет А.В. Гольцова, – жила в Орле, замуж вышла за выходца из Силезии Августа Райха. Моряк, парходный и паровозный машинист, отличный слесарь, Август Райх был очарован белокурой, нежной, музыкальной девушкой. Чтобы жениться на орловской бесприданнице, он перешел из католичества в православие и после крещения получил имя Николай Андреевич. Уже к моменту встречи с Анной Ивановной Август Райх два раза был в ссылке на Севере за свои революционные убеждения, а за участие в событиях 1905 года выслан из Одессы в Бендеры, потом долго скрывался в Орле».

Как девушка из рабочей семьи, Зинаида была собрана, чужда богеме и стремилась прежде всего к самостоятельности. "Дочь активного участника рабочего движения, - пишет ее дочь от Есенина Татьяна Райх, - она подумывала об общественной деятельности, среди ее подруг были побывавшие в тюрьме и ссылке. Но в ней было и что-то мятущееся, был дар потрясаться явлениями искусства и поэзии. Какое-то время она брала уроки скульптуры. Читала бездну. Одним из любимых ее писателей был тогда Гамсун, что-то было близкое ей в странном чередовании сдержанности и порывов, свойственном его героям".

«По окончании гимназии Зинаиде было отказано в свидетельстве о благонадежности, – отмечает А.В. Гольцова, – она не могла поступить в высшие учебные заведения в Ростове, Москве, Петрограде. Поэтому училась на частных женских курсах в Петрограде. Пробовала стать сестрой милосердия, начинала лепить, в совершенстве освоила машинопись. Благодаря полученным по наследству немецкому трудолюбию и настойчивости много занималась, выучила

французский и немецкий языки и даже латынь».

Зинаида Райх была сложной и противоречивой натурой, соответственно, знавшие ее люди оставили о ней взаимоисключающие характеристики. Одни называли ее верной и любящей женой, хорошей хозяйкой. Другие изображали как неуравновешенную, экзальтированную особу, давшую повод для ревности своим обоим мужьям – Есенину и Мейерхольду – свободным поведением и сексуальной раскованностью. Однако поначалу не только она интересовала его как потенциальный сексуальный объект. Подруга Райх, семнадцатилетняя Мина Свирская, видная деятельница левоэсерской партии, так же привлекала внимание Есенина. Мина и Сергей познакомились у Сакеров, издателей "Северных записок", в которых Есенин часто печатал свои стихотворения. Потом она встретились на концерте, где Сергей читал свои стихи. Девушка пригласила своего знакомого "Сережу-воображалу", по выражению Свирской, в Общество распространения эсеровской литературы. Несколько раз он приходил в Общество один, затем пару раз с Клюевым, потом появился с новым другом, Алексеем Ганиным. Чуть позже в редакции газеты "Дело народа" литературный критик Иванов-Разумник знакомит их с Зинаидой Николаевной Райх. Как обычно, Есенину негде было жить, и Райх начинает хлопотать, предлагает устроить их на великокняжеских стульях в большом зале, которые разъезжались под друзьями-поэтами.

"В Общество распространения эсеровской литературы, - вспоминает Свирская, - Есенин стал приходиться почти каждый день... Позже приходил Ганин и тоже усаживался читать. Приходила Зинаида Николаевна. Обсудив текущие дела Общества, мы четверо отправлялись бродить по Петрограду..". Мина с Сергеем шли обычно впереди, а Зинаида с Алексеем сзади. Есенин всегда читал стихи, и известные, и те, которые еще не были опубликованы, и свои, и чужие. В эти прогулки молодые люди отправлялись в любую погоду. Иногда гуляли под петроградским мелким морозящим дождем, начинали зябнуть, заходили в какую-нибудь чайную, чтобы согреться горячим чаем, который нам подавали в двух пустых чайниках.

Есенин казался простым, искренним, производил чарующее впечатление, особенно на женщин: в его внешности было что-то легко и ясное. Блондин с почти льняными, светлыми волосами, слегка вьющимися, глаза голубовато-серые, очень живые и серьезные, внимательный, но с какими-то удивительно озорными

искорками, которые то вспыхивали, то вновь исчезали. Он был красив типичной неброской славянской красотой, казался очень собранным: все его движения были грациозны, бесшумны и четки. Именно такой походкой — свободной и легкой - он отмеривал весной 1917 года петроградские улицы, общаясь с милыми девушками.

Такие встречи продолжались до конца мая. Затем Сергей неожиданно уезжает в Константиново. Еще в марте Есенина направили в распоряжение Военской комиссии при Государственной Думе, где он получил приказ явиться в школу прапорщиков, а оттуда прямая дорога на фронт. Несмотря на свободу, военная машина еще действовала. Есенину нужно было исчезнуть из Петрограда, чтобы вновь не попасть в армию, которую он панически избегал.

2. В объятиях Лидии Кашиной

"В начале весны 1917 года он приехал домой на все лето", – вспоминает Екатерина Есенина. В деревне, немного успокоенный, но с по-прежнему горящим воображением, он принимается за стихи, и трудно было остановить разыгравшееся воображение. В голове Есенина возникают мистические образы будущего рая на земле, он запоем начинает создавать свои новые циклы религиозно-космических поэм о революции - "Отчарь", "Певущий зов", "Октоих", "Преображение".

Свободный в своей независимости от клюевской духовной "лепки" и его гомоэротического влияния, Есенин раскрепощается не только как поэт. Его молодецкие жизненные и сексуальные силы рвутся наружу. Однако его желание к разрядке, его собственная привлекательность как мужчины, выбор партнера, количество и разнообразие сексуальных переживаний, - все это приобретает зависимость от его гордости, чем от личных желаний и удовольствия.

Смутные надежды на первенство в поэзии, его уверенность в своем предназначении направила его сексуальный выбор в сторону соседней помещицкой усадьбы. Отсутствие Клюева и знакомство с молодыми эсерками возвращает его в лоно гетеросексуальной любви, снова возбудило его эротические влечения к женщинам, но не к простым, вроде жены своей, плоскогрудой Аннушки, а к богатой и знатной помещице Лидии Кашиной, владелице села Константиново.

Каждое лето Кашина с детьми, но без мужа, приезжала в Константиново. Поговаривали, что муж ее очень важный генерал, но она ни за что не хочет с ним

Лидия Кашина

жить. Молодая красивая женщина развлекалась, чем только могла. У дома был хороший сад с ухоженными клумбами и оранжерея. Кучер, горничная, кухарка, прачка, экономка и много разного люда обслуживали ее прихоти. Каждый день после полудневной жары, в костюме амазонки, Кашина выезжала на своей породистой лошади кататься в поле. Рядом с ней как обычно скакал наездник. Кашина приезжала в усадьбу на лето с 1911 года. Она была старше Сергея на десять лет. Шестнадцатилетний отрок с некоторой завистью смотрел на богатую и красивую молодую вдову.

Еще в 1916 году Тимоша Данилин, друг детства Сергея, занимающийся с ее детьми латинским языком, пригласил Есенина с собой на какой-то водевиль, который устраивала веселая и оригинальная барыня. Здесь состоялось их первое знакомство. В этот приезд весной 1917 года началось более тесное общение Сергея с Лидией Кашиной. Уже известный поэт, хоть и крестьянского происхождения и вольная, видимо, уставшая от зануды-мужа молодая женщина. Наверняка они потянулись друг к другу, когда Есенин ежедневно уходил в кашинский дом. Стать любовником барыни, на которую он с любопытством или завистью смотрел с шестнадцати лет, льстило Сергею. Здесь и эротический интерес и чисто крестьянское чувство "выскочки". Вот, мол, я каков? Сами по себе сексуальные отношения может и не сильно привлекали Сергея, но в данном случае гордость управляла его желаниями. Как писал он в автобиографической поэме "Анна Снегина":

Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.

Матери не очень нравилось, что Сергей наладился ходить к барыне. Она была довольна, когда он бывал у Поповых или гулял с учительницами. Но барыня? Какая она ему пара? Она замужняя, у нее дети. Однако Сергей молчал и каждый вечер ходил в барский дом. Мать матерью, но влезать в его дела ей не позволено. Однажды Сергей отправился с барыней в её усадьбу «Белый яр». Мать ничего не сказала. День был до обеда чудесный. Однако потом поползли тучи, и к вечеру

поднялась страшная гроза. За окном послышались крики: «Тонут! Помогите! Тонут!» Мать Сергея бросилась из избы, а потом вернулась сердитая. Оказалось, оборвался канат, и паром понесло к шлюзам, где он мог разбиться о щиты. Паром спасли, но Сергея на нем не было.

Наступила ночь. Беспокоясь, Татьяна Федоровна несколько раз ходила на барский двор, но Кашина еще не возвращалась. Только поздно ночью радостный Есенин вернулся домой.

Память о Лидии Кашиной отразилась впоследствии в знаменитой поэме Есенина "Анна Снегина". В 1925 году Есенин вспоминает о своем увлечении красивой девушкой-женщиной, которая запала в сердце шестнадцатилетнему пареньку.

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: "Нет!"
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

Эти слова поэта как бы приоткрывают тайну юношеской любви Сергея, которая своей несбыточностью, может, и привлекала его и растравливала его душу. Ведь Есенин хотел тогда достичь, казалось бы, невозможного – стать известным поэтом и знать, что ему принадлежит сердце богатой, знатной и красивой женщины. Конечно же, Кашиной не было тогда шестнадцать лет, как Сергеем и героине поэмы. Скорее всего, в образе Анны Снегиной соединились два увлечения юноши. Его первая любовь к ровеснице Анне Сардановской и мечтания о взрослой, замужней барыне. Наконец его мечтания сбылись. Революция смешала все и сделала всех равными. Но теперь уже не юношеская романтика двигала Сергеем. Бессознательная мысль получить то, что не было получено в детстве, направляла сейчас его сексуальное возбуждение.

Сгущалась, туманилась даль...
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.

.....

Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз....

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

И Лидия Кашина, в отличие от героини поэмы, не эмигрировала, а благополучно переехала в Москву после того, как у неё в 1918 году отобрали усадьбу в Белом Яру. Она работала переводчицей, машинисткой, стенографисткой. Видимо в том же году, уже в Москве, Есенин встретился с Кашиной и их отношения возобновились, правда, без прежней чувственности и романтики. Осенью 1918 года Есенин даже жил какое-то время у Кашиной. И в память о прежней любви и страстном лете в Константинове он написал нежное стихотворение, посвященное милой "барыне". "Зеленая прическа, девическая грудь...", в котором вспоминал:

Луна стелила тени,
Сияли зеленыя.
За голые колени
Он обнимал меня.

Даже в 1925 году Есенин не забыл эти встречи и ласковую нежность Лидии Ивановны, которая была на самом деле старше его на несколько лет, и в объятиях которой Сергей, видимо, получал ту ласку и любовь, которой ему не досталось в

детстве от матери:

Далекие милые были!
Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

3. Любовь и ненависть к Зинаиде Райх

В июле Сергей возвращается в Петроград, и сразу же бежит к своим девушкам. Начатое знакомство продолжается. Однажды вбежал Есенин в редакцию говорит: "Мина, едемте с нам на Соловки. Мы с Алешей едем". Это было очень неожиданное предложение и радостная Мина, немного влюбленная в Сергея, вместе с ним побежала к Зинаиде Райх. Узнав, что Сергей с Алешей собрались ехать на Соловки, Зинаида вскочила и захлопала в ладоши.

Получив разрешение у начальства на поездку, она, очень довольная, завертелась по комнате. Есенин и Райх стали уговаривать Мину ехать с ним, но та отказалась. "Помню, – пишет Свирская, – что Сергей с Алешей должны были выехать раньше, а Зинаида где-то к ним присоединиться. Как оказалось, ни у Сергея, ни у Алеши почти не было денег. У Зинаиды была какая-то заветная сумма, которую она предложила на поездку".

Это было удивительно романтическое путешествие в жизни Есенина.

Компания побывала на Белом озере, пожила в Архангельске. Есенин опасался, что его могут и здесь разыскать вербовщики армии Керенского, поэтому, по словам Ройзмана, "они подались с Зинаидой Николаевной на Соловецкие острова". Зинаида в начале поездки еще не была девушкой Есенина, хотя все спутники были равнодушны к обаятельной и сексуальной Райх. Влюбленный Ганин написал несколько стихотворений в ее честь. Особенно впечатлило стихотворение "Русалка".

Русалка — зеленые косы,

Не бойся испуганных глаз.
На сером оглохшем утесе
Продли нецелованный час.

У Райх были тогда две косы, уложенные вокруг головы, которые возбудили поэтическую фантазию Ганина. Он видимо, надеялся, что на его родине, в Вологде, жизнерадостная девушка ответит на его любовь. Однако случилось непредвиденное. То ли из чувства соперничества, то ли действительно Сергей влюбился, но неожиданно он сделал Зинаиде Райх предложение.

Зинаида дала согласие не сразу: «Дайте мне подумать». Ее ответ немного рассердил Есенина, который как маленький ребенок всегда хотел получить то, что вызывало его желание. Решено было венчаться немедленно, но денег ни у кого уже не было. В ответ на телеграмму «Вышли сто, венчаюсь» — деньги прислал из Орла, не требуя объяснений, отец Зинаиды Николаевны. Купили обручальные кольца, но свадебного платья на Зинаиде не было, только белая кофточка и черная шуршащая юбка. Даже на букет цветов, который жениху надлежало преподнести невесте, денег не хватило. Есенин нарвал полевые цветы на лужайке по пути в Кирико-Улитовскую церковь под Вологдой, где молодые и повенчались 4 августа 1917 года. Алексей Ганин был поручителем молодых в загсе и шафером на свадьбе.

Не желая появляться в Петрограде, Есенин с женой и в сопровождении Ганина из Вологды сразу поехали в Орел. С вокзала они добрались на трамвае на Кромскую, 58, где жили родители Зинаиды в просторном и уютном доме. Родители встретили их приветливо, только Николай Андреевич поначалу спутал Есенина с Ганиным. И только когда подошла ночь, и пришлось отводить молодым комнату, он понял свою ошибку. "Только тогда и сообразил, – рассказывал отец Райх, – что муж-то — белобрысенький. А второй — это его приятель, мне еще его устраивать надо».

Зинаида Райх с дочерью Таней и сыном Костей.

Быстро пролетело время в Орле, наполненное первой радостью семейной жизни и супружеских удовольствий. В конце сентября они все трое вернулись в Петроград. Казалось, что и Есенин и Райх стали

жалеть, что поженились. Не был приспособлен Сергей для семейного счастья. Зинаида, рассказывая Мине Свирской о своем замужестве, говорила, что если она выйдет замуж, то выйдет за Алексея, что с Сергеем ее связывали чисто дружеские отношения.

Некоторое время Есенин и Райх жили врозь. "И это не получилось само собой, – пишет Татьяна Райх, – а было чем-то вроде дани благоразумию. Все-таки они стали мужем и женой, не успев опомниться и представить себе хотя бы на миг, как сложится их совместная жизнь. Договорились поэтому друг другу «не мешать». Но все это длилось недолго, они вскоре поселились вместе, больше того, отец пожелал, чтобы Зинаида Николаевна оставила работу, притом вместе с ней в редакцию и заявил:

— Больше она у вас работать не будет.

Мать всему подчинилась. Ей хотелось иметь семью, мужа, детей. Она была хозяйственна и энергична". Свирская пишет, что ее подруга собиралась оставить работу в "Деле народа", чтобы издавать стихи Есенина.

Через некоторое время молодые поселилась в доме №33 на Литейном проспекте. Зинаида с Сергеем заняли на втором этаже две небольшие светлые комнаты. Там же устроился и Ганин. Жили они, по словам Свирской, коммуной. Чернявский, который был частым гостем у молодой семьи, отмечал, что "жили они без особенного комфорта (тогда было не до того), но со своего рода домашним укладом и не очень бедно. Сергей много печатался, и ему платили как поэту большого масштаба... Его, тогда еще не очень избалованного чудесами, восхищала эта неприхотливая романтика, и тешило право на простые слова: «У меня есть жена»... Однако проницательный друг заметил и некоторую сложность в их взаимоотношениях молодых. *"Если в его характере и поведении мелькали уже изломы и вспышки, предрекавшие непрочность этих устоев,— их все-таки нельзя было считать угрожающими"* (курсив мой – А.Л.).

Зинаида казалась трудолюбивой, деловитой и хозяйственной, любила готовить вкусные блюда, что Есенин ценил. «Я, брат, жену люблю», — так отговаривался иногда Есенин от холостяцких компаний. Но в тоже время часто приходил в Общество распространения эсеровской литературы, засиживался там до закрытия и шел провожать пешком Мину Свирскую, которая жила на Васильевском острове. Есенин рассказывал о своем детстве, читал стихи. Прогуливаясь, они

иногда брались за руки и перепрыгивали вместе через лужи, иногда Сергей перепрыгивал и протягивал руку девушке. Часто молодые люди, как влюбленная парочка, останавливались на мосту и из бликов воды придумывали всевозможные картины, которые будто бы видели. Так они доходили до подъезда дома, где жила Свирская и быстро прощались...

Что чувствовал Сергей в эти минуты? И что за странная привязанность к семнадцатилетней девушке, хотя он совсем недавно женился на ее подруге. Свирская часто заходила и в гости к молодым. Приближался день рождения Сергея, и Зинаида пригласила свою подругу. Были Ганин, Иванов-Разумник, Петр Орешин. Вечер проходил очень оживленно и весело. "Есенин настоял, - пишет Свирская, - чтобы я с ним и с Алешей выпила на брудершафт. Мы вылили. Ганин стал придумывать для меня штраф, если я буду сбиваться с "ты" на "вы". Вдруг Есенин встал, взял со стола одну свечу и потянул меня за руку: "Идем со мной, мы сейчас вернемся". Я встала и пошла за ним в их комнату. Есенин сел за стол и показал мне рукой на второй стул у стола. Я села. Он стал писать.

— Сережа, я пойду.

— Нет, нет, я сейчас, сейчас.

Дописав, он прочел мне следующее стихотворение...

МИНЕ

От берегов, где просинь
Душистей, чем вода.
Я двадцать третью осень
Пришел встречать сюда.

Я вижу сонмы ликов
И смех их за вином,
Но журавлиных криков
Не слышу за окном.

О, радостная Мина,
Я так же, как и ты,

Влюблен в мои долины (?)

Как в детские мечты.

Но тяжелее чарку

Я подношу к губам

Как нищий злато в сумку,

С слезою пополам.

— Сережа, почему ты написал, что влюблен так же, как я? Ведь ты меня научил любить.

Он ничего не ответил. Держа свечу в одной руке и листок со стихотворением в другой, вышел из комнаты. Я пошла за ним. Он прочел стихотворение присутствующим и отдал его мне".

Вечером, когда все уже собирались уходить, Сергей вызвался проводить Мину. Погода была прескверная, моросил мелкий дождь. Сергей и Мина шли молча. Усиливался туман, и потому это молчание становилось тягостным для обоих. Никто не знал как его нарушить, и так, молча, они дошли до дома Свирской. А через день или два пришел и Общество Ганин и сказал Мине, что "Сергуньке" попало. Мина удивилась, но Ганин поспешил рассеять ее подозрения в ревности Зинаиды.

— Нет, не за то, что он пошел тебя провожать. Зина упрекала его, что он не подарил ей ни одною стихотворения. Он слушал ее, надувшись, ничего ей не ответил, потом быстро оделся и ушел.

Действительно, своей жене Есенин не посвятил ни одного стихотворения. Только дарственная надпись на своей фотографии, которую он подарил Зинаиде Райх:

За то, что девочкой неловкой
предстала ты мне на
пути моем.

Сергей.

И Есенин и Райх обладали независимым и порывистым характерами. "Душа Зинаиды Николаевны, - пишет ее дочь Татьяна, - была открыта навстречу людям... Но в ней дремали вспыльчивость и резкая прямота, унаследованные от своего отца". Конфликт между супругами назревал и начался уже впервые месяцы их совместной жизни в Петрограде. Первые ссоры были навеяны поэзией. Однажды они выбросили в темное окно обручальные кольца, видимо вспоминая стихи Блока «Я бросил в ночь заветное кольцо» и тут же помчались их искать. Но по мере того как они все ближе узнавали друг друга, они испытывали порой настоящие потрясения. Татьяна Райх пишет по воспоминаниям матери об их первой настоящей ссоре:

«До этого дня она ни малейших изменений в отношении к себе своего мужа не замечала. Она пришла с работы. В комнате, где он обычно работал за обеденным столом, был полный разгром: на полу валялись раскрытые чемоданы, вещи смяты, раскиданы, повсюду листы исписанной бумаги. Топилась печь, он сидел перед нею на корточках и не сразу обернулся — продолжал засовывать в топку скомканные листы. Она успела разглядеть, что он сжигает рукопись своей пьесы. Но вот он поднялся ей навстречу. Чужое лицо — такого она еще не видела. На ее посыпались ужасные, оскорбительные слова — она не знала, что он способен их произносить. Она упала на пол — не в обморок, просто упала и разрыдалась. Он не подошел. Когда поднялась, он, держа в руках какую-то коробочку, крикнул: «Подарки от любовников принимаешь?!» Швырнул коробочку на стол. Она доплелась до стола, опустилась на стул и впала в оцепенение — не могла ни говорить, ни двигаться...

Они помирились в тот же вечер. Но они перешагнули какую-то грань, и восстановить прежнюю идиллию было уже невозможно. В их бытность в Петрограде крупных ссор больше не было, но он, осерчав на что-то, уже мог ее оскорбить».

Как все типы невротического склада, Есенин был собственником в любви, ревнуя, и подчас справедливо свою жену. Он запретил Зинаиде работать в редакции; узнав, что она увлекается лепкой, говорил: «Тебе ребят рожать, а не скульптуры лепить». Заставляя Зинаиду уйти с работы, чтобы хозяйничать дома, Сергей не хотел терять свою свободу. С другой стороны и молодая женщина, обладавшая обостренной чувственностью, также стремилась скрасить свое одиночество. Зинаида Райх принадлежала к такому типу женщин, которые

способны вызывать и неизбежно вызывали у мужчин чувство ревности.

Юрий Елагин, в 1955 году издавший в Америке книгу «Темный гений» о Всеволоде Мейерхольде, так пишет о ней:

«Райх была чрезвычайно интересной и обаятельной женщиной, обладавшей в очень большой степени тем необъяснимым драгоценным качеством, которое по-русски называется «поди сюда», а на Западе известно как *sex appeal*. Всегда была она окружена большим кругом поклонников, многие из которых демонстрировали ей свои пылкие чувства в весьма откровенной форме.

Райх любила веселую и блестящую жизнь: любила вечеринки с танцами и рестораны с цыганами, ночные балы в московских театрах и банкеты в наркоматах. Любила туалеты из Парижа, Вены и Варшавы, котиковые и каракулевые шубы, французские духи (стоившие тогда в Москве по 200 рублей за маленький флакон), пудру Коти и шелковые чулки... и любила поклонников. Нет никаких оснований утверждать, что она была верной женой В. Э. — скорее есть данные думать совершенно противоположное...»

Поэтому её жизнь с Сергеем Есениным, требовавшим от жены верности, послушания, семейного очага, то есть всего того, что соответствовало его крестьянско-патриархальным взглядам на место жены в семье, была изначально обречена на неудачу. Но, несмотря на напряженность в семейной жизни, вечерами у Есениных нередко собирались за самоваром гости, пили чай, пекли и ели с солью революционную картошку. Под праздник или после получения гонорара Сергей приносил иногда бутылку-другую вина, которое нетрудно было добыть из-под полы. *"Но от пьянства, — отмечает Чернявский, — он бы совершенно далек и выпивал только «ради случая»"* (курсив мой — А.Л.). Действительно, несмотря на то, что пить Есенин научился еще в Царском Селе в Армии и подчас бывал под хмельком, алкогольная зависимость не охватила его. Сергей был полон молодого задора ниспровергателя старых богов.

4. Развитие невроза самоидеализации

В эти осенние месяцы были написаны одна за другой все его богоборческие и космические поэмы о революции. Казалось, что они заполняют его творчество словесной лавиной. Свое отношение к себе и к остальным поэтам Есенин выразил в

знаменитом письме к Александру Ширяевцу от 24 июня 1917 года:

"Бог с ними, этими питерскими литераторами ругаются они, лгут друг на друга, но все-таки они люди, и очень недурные внутри себя люди, а потому так и развинчены. Об отношениях их к нам судить нечего, они совсем с нами разные, и мне кажется, что сидят гораздо мельче нашей крестьянской купницы..."

С ними нужно не сближаться, а обтесывать, как какую-нибудь плоскую доску, и выводить на ней узоры, какие тебе хочется, *таков и Блок, таков Городецкий и все и весь их легион...*

Мой план: обязательно этой осенью сделать несколько вечеров, а потом я выпускаю книгу в одном издательстве с платой по процентам и выпущу сборник «пятерых» — тебя, меня, Ганина, Клюева, Клычкова..."

Есенин пытается сам организовать свои выступления. Ему хотелось действовать на свой страх и риск уже не ради простого концертного успеха: "*он верил в свою личную популярность и значительность голоса поэта Есенина в громах событий.* На улице были расклеены афиши: «В среду, 22-го ноября 1917 года состоится вечер поэзии Сергея Есенина»".

"Сергей был уже в прекрасной меховой («соболий мех») и хорошей шубе, — пишет Чернявский, — с румянцем на щеках, очень крепкий и светлый, не тот, каким его знали недавно. Правда и тогда бывали минуты, когда в глазах его появлялась грустная сосредоточенность, и голос начинал звучать тихим «уходом в себя», но говорил он о будущем с дерзкой, веселой верой в свою силу и требовательно грозил в пространство кулаком, похожим на длань пророка и щенячью лапу".

Как-то Есенин шел с Рюриком Ивневым по Большому проспекту Петроградской стороны. "Указывая на огромные красивые афиши, — вспоминает Ивнев, — возвещавшие о моей лекции в цирке «Модерн», он подмигнул мне и сказал: "Сознайся, тебе ведь нравится, когда твое имя... раскатывается по городу?"

Это было время наибольшего раскрепощения духовных сил Есенина. Он почувствовал себя первым и готов был пожертвовать всем, чтобы сохранить свое величие. Его самолюбование собой, его важность и картинность отметил молодой поэт Павел Орешин, к которому Сергей зашел перед самым Октябрем. На Есенине был серый, с иголки костюм, белый воротничок и галстук синего цвета. Довольно щегольской вид... Засунул обе руки в карманы, Сергей прошелся по большой комнате, по ковру, своей «легкой походкой». На цветистом ковре, под

электрической лампочкой, в прекрасно сшитом костюме, Есенин больше походил на изящного джентльмена, чем на крестьянского поэта, воспевающего тальянку и клюевскую хату, где «из углов щенки кудлатые заползают в хомуты».

После небольшого перекуса с другом Сергей разошелся:

— Вот дураки! — захлебываясь, хохотал Есенин.— Они думали, мы лыком шиты... Ведь Клюев то, знаешь... я неграмотный, говорит! Через о... неграмотный! Это в салоне-то... А думаешь, я не чудил? А поддевка-то зачем?.. Хрестьянские, мол!.. Хотя, знаешь, я от Клюева ухожу... Вот лысый черт! Революция, а он «избяные песни»... На-ка-за-ние! Совсем старик отяжелел. А поэт огромный! Ну, только не по пути...— И вдруг весело и громко, на всю квартиру: — А знаешь... мы еще и Блоку и Белому загнем салазки!"

И снова встреча с Блоком, снова споры о поэзии. Блок понял суть Есенина, его стремление к первенству. В конце своих записей он дает молодому поэту исчерпывающую характеристику. "Образ творчества: схватить, прокусить... Жадный окунь с плотвой: плотва во рту больше его ростом, он не может проглотить, она уж его тащит за собой, не он её." В этом внутреннем расхождении с Блоком, в том холоде, который Есенин почувствовал в Блоке, и в ответ также охладел, чувствовалась, по словам Чернявского, "прямая ревность к праву на голос «первого русского поэта» в период Октября, а в скифской плеяде таковым был именно Блок. Ни «Скифы», ни «Двенадцать», казалось, не тронули Сергея".

В январе Есенину показалось, что его наставник и друг Иванов-Разумник в статье "Поэты и революция" дал слишком высокую оценку творчеству Клюева. Уязвленный, он пишет Разумнику возмущенное письмо:

"Уж очень мне понравилась, с прибавлением не, клюевская «Песнь Солнценосца» и хвалебные оды ей с бездарной «Красной песней»...

Ибо то, что вы сочли с Андреем Белым за верх совершенства, я счел только за мышинный писк...".

5. Судорожные метания и обида на всех

В октябре 1917 года большевики захватили власть. Постепенно работа с эсерами становилась для Есенина опасной. Началась разруха, которая охватила всю страну. Всю первую половину 1918 года Есенин продолжает печататься в эсерских

газетах. Однако в партию не вступал. Это была обычная тактика поведения Сергея. Неважно с кем, неважно под кого "подкладывать", главное, чтобы тебя печатали, о тебе говорили, тебя возвеличивали.

И вот теперь, когда его покровители должны столкнуться с большевиками за власть и погибнуть, Есенин постепенно отходит от них. У него ведь другие цели – признание и слава. А какая слава может быть у ссыльного или расстрелянного начинающего получать признание поэта. Есенин не может рисковать. Надо и жену уговорить, чтобы вышла из эсеровской партии. Для Есенина главное - его поэзия. Его мечта, стать истинно народным поэтом. Как-то в разговоре с Ивневым, Есенин сказал, что не может как он, Рюрик, зарабатывать на жизнь лекциями.

– А вот стихи буду читать перед народом!

Поэтому надо переезжать в Москву. Ведь туда, вслед за большевистским правительством, перемещаются все газеты, издательства, уезжают поэты и писатели, связавшие свой успех с новой властью. Казалось, будущая жизнь и будущая слава теперь ожидает его, Сергея Есенина, в Москве. Сначала выехала в Москву Зинаида Райх, вместе с секретариатом Наркомпрода. Затем приехал Есенин. Первые весенние дни в новой столице были для него обнадеживающие. "О нем говорили на всех перекрестках литературы того времени, – вспоминал П. Орешин. – Каждое его стихотворение находило отклик. На каждое его стихотворение обрушивались потоки похвал и ругательств". Однако Сергею приходилось общаться не только с поэтами и редакциями.

По воспоминаниям Ходасевича, Есенин вращался тогда в дурном обществе. "Преимущественно это были молодые люди, примкнувшие к левым эсерам и большевикам, довольно невежественные, но чувствовавшие решительную готовность к переустройству мира. Они философствовали непрестанно и непременно в экстремистском духе. Люди были широкие. Мало ели, но много пили. Не то пламенно веровали, не то пламенно кощунствовали. Ходили к проституткам проповедовать революцию — и били их... И те, и другие готовы были ради ближнего отдать последнюю рубашку и загубить свою душу. Самого же ближнего — тут же расстрелять, если того "потребует революция". Все писали стихи и все имели непосредственное касательство к че-ка". Есенин был молод и не очень разбирался, а может, не хотел разбираться в политических событиях. Ухаживая за какой-то молоденькой поэтессой на именинах Алексея Толстого, Есенин

простодушно предложил:

— А хотите поглядеть, как расстреливают? Я это нам через Блюмкина в одну минуту устрою.

Приходилось терпеть не только это. В Москве Есенин с женой поселяется в одной из гостиниц на Тверской, где жили служащие Наркомпрода. Подруга Зинаиды Райх, Зинаида Гейман, дочь ответственного работника новой власти, вспоминала: «Сергей Есенин с Зинаидой жили в плохоньком номере какой-то гостиницы. У них было неуютно, мрачно, по-богемному... На столе крошки, вода, разбросано. У нас роскошно, номер в две комнаты и ванна, свой телефон, бархатная скатерть на круглом столе, который покрывался белоснежной полотняной тонкой скатертью, когда официант приносил блестящий металлический чайный сервиз... Словом, было уютно, и к нам вечерами часто приходил Есенин с Зинаидой. Она беременна Таничкой. В черном платье с высоким воротом. Он в сереньком костюме с галстуком-бантиком, приносил балалайку, пел и читал стихи. Тогда жилось впроголодь, но мы получали паек — черный хлеб и сахар были у нас вдоволь, и мы их угощали».

Гордость Сергея за свое нищенское существование была задета. Он отправляет жену рожать в Орёл, к родителям, так спокойней. И 29 мая 1918 года родилась дочь Сергея – Татьяна. А сам он начинает новый этап борьбы за признание.

В течение всего лета Есенин печатается во всех изданиях – большевистских, левоэсерских, чисто литературных. "Он не брезгует ничем, – пишет Ст. Куняев, – как бы демонстративно заявляя о своей позиции "поверх всех барьеров" – партийных, сектантских, групповых". Однако гонора у него немного поубавилось.

Есенин чувствует страшный дискомфорт, его базальная тревожность дает о себе знать. Чтобы уменьшить свою психологическую напряженность, он ищет возможности опереться на какие-то силы или организации, которые помогли бы ему выбраться из мира одиночества и бесславья. Сергей окончательно порывает всякую творческую связь с Клюевым, и с Блоком, и с многими поэтами того времени конца семнадцатого года, когда поэты и писатели разбивались на группы и шли кто вправо, кто влево. Сергей решил повернуть влево. И вот летом, в Константиново, он пишет "Иорданскую голубицу", в которой заявляет:

Мать моя родина,
Я - большевик.

"Сразу же после октябрьского переворота Есенин, – вспоминает Г. Иванов, - оказался не в партии — членом ВКП он никогда так и не стал, — но находился в непосредственной близости "к советским верхам". Ничего странного в этом не было. Было бы, напротив, удивительно, если бы этого не случилось".

Начинается гражданская война, голод, разруха и массовый революционный террор. Необходимо было выжить. Но жить и творить в одиночестве, как это делали Блок и Федор Соллогуб, которые умирали с голода в разоренном и голодном Петрограде, Есенин не мог. Ему нужны были люди, общение, дружеское участие. С другой стороны необходимо было куда-то приткнуться. Завести новые, выгодные связи.

Есенин обратил внимание на пролеткультовцев, сторонников новой пролетарской литературы. которые с удобством расположились в бывшем особняке фабриканта и мецената Морозова. Друг Есенина, поэт Сергей Клычков, недавно поступил на службу в канцелярию Пролеткульта и приютил Есенина у себя в получердачном помещении, под самой крышей. Летом 1918 года Есенин читает стихи в кафе перед спекулянтами и недобитыми буржуями. Приходилось подрабатывать и таким способом.

Есенин оказался в затруднительном положении, с женой он фактически разошёлся, собственного угла у него не было, толстые журналы были закрыты, и печататься было негде. Голод в Москве давал себя чувствовать все сильнее и сильнее. Необходимо было что-то предпринимать. Есенин стремится организовать новое поэтическое направление. "Есенина беспокоит этот шумный процесс выявления новых дарований, – вспоминает Спасский. – Ему не хочется оставаться в стороне, по всему своему складу он должен чувствовать себя первым. Ему не нравится Пролеткульт, он не любит, когда его поучают. Тут есть что-то оттесняющее его вбок. Он оглядывается, стремясь на что-то опереться и самому воодушевлять других, увлекая их за собой. И он распространяется о том, что пролетарское искусство — это правильно, но ведь Россия — крестьянская страна и крестьян в ней больше, чем рабочих. Следовательно, надо, чтоб в дополнение к Пролеткульту был организован Крестьянокульт. Он об этом говорил уже на верхах,

он готов возглавить такое движение. И как бы подчеркивая свою приверженность этой идее, Есенин одет сейчас в синий кафтан, сшитый из тонкого сукна, расстегнутый так, что видна белая русская рубашка, перехваченная поясом, кистями".

Из «Крестьянокульта» ничего не вышло, тогда Есенин решил открыть собственное издательство. В редколлегию вошли: Есенин, Клычков, Андрей Белый и новый знакомый Сергея – Лев Повицкий. Первой была напечатана, конечно, книжка стихов Есенина «Радуница». Вслед за «Радуницей» вышли в свет «Голубень», а потом издательство неожиданно «лопнуло». Есенин взволнованно и резко обвинял во всем Клычкова, утверждая, что тот, будучи «казначеем», пропил или растратил весь наш основной фонд. Материальное положение Есенина снова ухудшилось. Он временами переживал настоящий голод. Какая тут борьба за звание "первого поэта". Нужно опять, взяв шапку в руки, кланяться, и "подкладывать" себя. Изгнанный из пролеткультовского особняка, Сергей, преодолевая униженное самолюбие, поселяется у отца. Больной отец принял сына, хотя у него было много забот о семье. Потом Есенин переехал к Лидии Кашиной, а ближе к концу года поселился у Сахарова.

Видя трудности Сергея, Лев Повицкий решил временно увезти Есенина из голодной Москвы к своему брату, владельцу пивоваренного завода. "Продовольственное положение в Туле было более благополучным, чем в Москве, – пишет Повицкий, – и мы там основательно подкормились. Для Есенина это была пора не только материального достатка, но и душевного покоя и отдыха. Ни один вечер не проходил у нас впустую". Осенью 1918 года Есенин не имел никаких заработков. Нищета, полуголодное состояние, беготня по редакциям. Какая-то нервозность постоянно охватывает поэта. Мы уже отмечали, что Есенин в поиске славы, начинает сбиваться с обычного пути в область фантастического, беспредельного, в область безграничных возможностей. Он внешне ведет нормальный образ жизни, у него есть жена, он увлекается девушками, его окружают друзья, он участвует в развлечениях, пытается наладить работу. Однако Сергей все же живет в двух мирах – в мире своей потаенной личной жизни, которая выражается в его стихах, и в мире официальной. И они, к сожалению, не совпадают.

Его жизнь в мире реальности, которая окружает его в это тяжёлое время, не совпадает с его богоподобным образом. Окружающие тем более не относятся к

нему как к "пророку", познавшему тайны Бога. Есенин такой же человек, как и другие, и отношение к нему такое же, как к другим. Но он озадачен этими болезненными несоответствиями между жизнью и созданным в его подсознании богоподобным образом. Поскольку его личное возвеличивание ему необходимо, Есенин считает, что что-то неправильно в окружающем его мире. Мир должен быть другим, и он заявляет об этом в своих революционно-космических поэмах.

Но вместо того, чтобы преодолеть свои иллюзии, Есенин начинает предъявлять претензии к окружающей его жизни, к друзьям, к партиям, редакциям, власти. Он претендует на то, чтобы другие относились к нему в соответствии с его грандиозными представлениями о себе. Сергей чувствует, что имеет право на особое внимание со стороны окружающих, на их уважение и восхищение своей особой. Поэтому желания его, сами по себе вполне понятные, начинают превращаться в претензию на право считаться "первым поэтом". Есенин выразил эти подсознательные желания в своей программной, как выражаются есениноведы, статье "Ключи Марии". На фоне теоретических рассуждений о мифологических основах поэтического творчества, о связи поэзии с древними народными представлениями о мире, природе, добре и зле, о том, какой должна быть поэзия будущего "вселенского вертограда", "имя которому социализм, или рай", Сергей попутно критикует всю существующую литературу.

"В русской литературе за последнее время произошло невероятное отупение....Для Клюева, например, все сплошь стало идиллией гладко причесанных английских гравюр.. и вместо голоса из-под камня Оптиной пустыни, он повеял на нас безжизненным кружевным ветром деревенского Обри Бердслея.. Вслед Клюеву свернул себе шею и подглюповатый футуризм... Он сгруппировал в своем сердце все отбросы чувств и разума...Голос его гнойного разложения прозвучал еще при самом таинстве рождения этого уroda". Разгромив клюевщину и футуризм Маяковского, Бурлюка и Ходасевича, Есенин отмечает далее, что ему противны так же "занесенные руки марксисткой опеки в идеологии сущности искусства. Она строит руками рабочих памятник Марксу, а крестьяне хотят поставить его корове". "Работая над "Ключами Марии", – пишет Ст. Куняев, – поэт осознал себя не равным среди равных, но открывателем новых духовных горизонтов, новых форм, вождем новой поэтической школы". Только он, Сергей Есенин, а не всякие там клюевы, блоки, ивановы-разумники возглавят русскую поэзию, которая затерялась

в ложных образах, оторвалась от крепкой народной мудрости, и мистических тайн вселенского бытия. И именно он, "пророк Есенин" заставит себя слушать, заставит признать всех, что он глава русского Парнаса.

Осенью 1918 года Сергей знакомится с Анатолием Мариенгофом, работавшим секретарем издательства ВЦИК. Сергей пришел как раз к редактору К.С. Еремееву, видимо, с просьбой напечататься. Когда Мариенгоф предложил Есенину создать новое литературное направление, образовать поэтическую группу, отличающихся от всех других, Сергей каждый день стал приходить в издательство поучать молодого, и неопытного, по его мнению, провинциала.

— Так, с бухты-барухты, не след идти в русскую литературу. Искусную надо вести игру и тончайшую политику... Трудно тебе будет, Толя, в лаковых ботинках и с пробором волосок к волоску. Как можно без поэтической рассеянности?.. А еще очень невредно прикинуться дурачком. Шибко у нас дурачка любят... Каждому надо доставить свое удовольствие.

Есенин вкладывает все свои силы в обоснование своих прав и своих претензий. Он отстаивает их постоянно, и когда наступает момент отвержения этих претензий, то происходит взрыв, выраженный в порыве гнева или даже ярости. Мало того, Есенин чувствует себя не только разгневанным, но и правым. Вспомнив прошлые расшаркивания перед сильными мира сего, он пытается стать независимым, певцом новой, крестьянской Руси. Но его мечты на "обновленную" Россию оказались утопией. Реальная литературная жизнь оказалась более сложной, чем до революции. Полная монополия большевиков на печать, привела к тому, что в большевистских изданиях засели люди, не понимающие таланта и идей молодого поэта. Критику своих стихов в большевистских статьях Сергей воспринимал как ущемление своих претензий и своего самолюбия.

Анатолий Мариенгоф, Сергей Есенин, Александр Кусиков, Вадим Шершеневич. 1919 год

Есенин судорожно ищет выхода своему одиночеству: одиночеству в быту, одиночеству в творчестве, одиночеству в дружбе. Осенью 1918 года, в поисках союзников, он начинает встречаться с Мариенгофом, Вадимом Шершеневичем, Рюриком Ивневым и Сандро Кусиковым. На этих собраниях в квартире Мариенгофа на Петровке обсуждалось новое

направление в поэзии – имажинизм. Красивое название, от французского "имаж" - "образ". Это название чем-то близко "образности" есенинского мировоззрения, которую он раскрыл в "Ключах Марии". До поздней ночи молодые люди пили чай с сахарином, говорили об образе, о месте его в поэзии. Собирались написать манифест имажинизма. Но все это так неопределенно.

Есенин ищет контактов с новой властью. В ноябре Есенин участвует на открытии памятника Тарасу Шевченко. Читает стихи. В газете "Известия" написали: "Тов. Каменева сменил поэт-футурист Есенин". Есенина это страшно обидело. Он чувствует, что слава постепенно отходит от него. Появляется много новых течений и молодые поэты, привлеченные лозунгами о строительстве нового общества, начинают штурм поэтического Олимпа.

В декабре Есенин пишет Заявление с просьбой зачислить его в Профессиональный союз писателей. Он ищет контакта с пролетарскими писателями. Совместно с поэтом Герасимовым и Клычковым, Есенин написал "Кантату", которую исполняли на открытии мемориальной доски павшим в ноябре 1917 года. Он также соавтор киносценария "Зовущие зори". Но это все не его, не есенинское. Разочарование и сомнения охватывают молодого поэта. Он болезненно воспринимает пренебрежительное отношение к нему и к другим крестьянским поэтам руководителей Пролеткульта. Надежды на обновленную Россию оказались иллюзорными и Есенин, как побитая собака, стучится уже в двери самой РКП(Б).

Он сочиняет слабое, трескучее, революционно-конъюнктурное стихотворение "Небесный барабанщик", написал заявление о приеме в партию, которое лежит на столе у его нового знакомого Г. Устинова. Однако Устинов рекомендации не дал, тем более что издательский работник Н.Л. Мещеряков написал на оригинале "Небесного барабанщика", предназначавшегося им для напечатания в "Правде": "Нескладная чепуха". Не пойдет. Н.М.". После этого Есенин окончательно бросил мысли о вступлении в партию. Самолюбие Сергея было сильно задето.

"Видя его мечущимся от одной группы к другой, – отмечал Андрей Белый, – я всегда на него глядел и думал: вот человек как будто чем-то подшибленный. И понятны все эти метания, все эти жесты, которые нарастали на его имени, но в чем он не был повинен. И понятно психологически, когда человека с такой сердечностью обидели, то его реакция бурная, его реакция – вызов". Этим вызовом

стал имажинизм, к которому Есенин склонялся все более и более. Задержка была в одном, кто возглавит это новое направление. Есенин считал, что только он.

"Поэтому основанное в 1919 году течение имажинизм, – писал Есенин, – с одной стороны — мной, а с другой — Шершеневичем, хоть и повернуло формально русскую поэзию по другому руслу восприятия, но зато не дало никому еще права претендовать на талант". Действительно, право на талант Есенин оставлял только за собой.

" Я никому не желаю зла, – говорил Сергей Рюрику Ивневу. – И каждого могу понять, даже чуждого мне, если это настоящий поэт. Только каждый должен знать своё место и не лезть на пьедестал лишь потому, что он пустует".

6. Психологическая комфортность имажинизма

Есенину нужен был имажинизм, так же как и имажинистам был нужен Есенин. Его претензии на право называться "хозяином русской поэзии" реализовывались в этом объединении молодых людей, стремящихся к славе ниспровергателей поэтических традиций. Внутренний конфликт Есенина, связанный с непониманием его идей и претензий, "усугублялся и тем, – пишет Занковская, – что Есенина не хотели издавать, его личная жизнь и быт были совершенно необустроены. Именно в этот момент имажинизм, который вроде бы находился в стороне от политики и социальных проблем, провозглашая примат некоего "чистого искусства " мог показаться достойным выходом для настоящего художника. Благоклонное внимание властей, кроме того, облегчало публикацию произведений, давая возможность общаться со значительно большей аудиторией и, наконец, обещало долгожданное решение его жилищных проблем".

Элегантный и самоуверенный Мариенгоф мог много предложить новому движению. Сам Анатолий, лишь недавно приехавший из Пензы, уже шил костюмы у лучшего портного столицы, делал стрижку у искусного парикмахера, приглашенного на дом, и держался по-барски уверенно и надменно. Жил технический секретарь, явно не испытывая никаких материальных затруднений, в отдельной комнате на Петровке со своим гимназическим товарищем Георгием Колобовым (Молабухом), в квартире одного инженера, который пустил, по словам Мариенгофа "из боязни уплотнения". Еще бы! Двоюродный братец Анатолия –

Борис Малкин – был директором большевистской "Центропечати" и жил в гостинице "Метрополь".

Мариенгоф действительно позаботился о материальной базе молодого союза. Колобов, которого друзья называли "Почем соль", оказался ловким малым. Этот новоиспеченный железнодорожный чиновник получил в свое распоряжение салон-вагон, разъезжал в нем свободно по железным дорогам, привозя продукты в голодную Москву. А в Газетном переулке у очаровательной Надежды Робертовны Адельгейм, которая под видом магазинчика старинных вещей содержала подпольную столовую, можно было вкусно перекусить. Мариенгоф тоже писал стихи и мнил из себя литератора нового времени. Но, кажется, он изначально отдал первенство Есенину, понимая его дарование, и свою известность уже связывал со славой Сергея. А для Есенина тихоня Рюрик, "солнечный мальчик", который доводил себя до сексуального экстаза своей полной истерикой поэзией и прозой, и самоуверенный денди Мариенгоф были удобными и полезными соратниками на его пути.

Ну кто в литературе серьезно воспринимает Мариенгофа и Шершеневича? Первый - никому не известный юноша из провинции, пусть и со связями в большевистской элите. Второй - неудавшийся футурист, болезненно мнящий из себя гениального творца новых поэтических форм. Есенин понимал, что только его фигура дает новому направлению путевку в жизнь. Ну а теорией пусть занимаются другие, тот же Шершеневич. В феврале 1919 года наконец-то была опубликована рожденная в мучительных спорах «Декларацию имажинизма» — своеобразный литературный манифест нового направления.

"Нам смешно, когда говорят о содержании искусства... Всякое содержание в художественном произведении так же глупо и бессмысленно, как наклейки из газет на картины...".

От такой оголтелой атаки на все привычное и признанное Есенин оторопел, и вместе с Мариенгофом сначала отказался подписывать манифест. Затем уступил. Главное, заявить о себе, чтобы тебя признали, о тебе заговорили. "Есенин, — вспоминает Владимир Кириллов, — с видом молодого пророка горячо и вдохновенно доказывал мне незыблемость и вечность теоретических основ имажинизма.

— Ты понимаешь, какая великая вещь и-мажи-низм!.. Мы изобретатели

нового. Если ты не пойдешь с нами — крышка, деваться некуда".

Есенин получил то, к чему он стремился, что наполняло его душу необыкновенным теплом. Сергей стремился быть непременным лидером среди своего окружения. Наконец-то его невротические претензии реализовались. Он понял, что если он и дальше будет придерживаться их, то его ждет настоящий успех.. Есенин, конечно, знал истинную цену Шершеневичу, Мариенгофу, Ивневу и Кусикову как поэтов, но нуждался в них, признающих его своим лидером.

Прежде всего, имажинисты побеспокоились о пропаганде своих идей и стихов. Они организовывают не без помощи большевистских друзей Мариенгофа на артельных началах издательство "Имажинисты". Затем вошли в состав секции при литературном поезде А.В. Луначарского, что дало им возможность в комфортных условиях ездить по всей стране. В марте Есенин подал заявление о зачислении в члены "Литературно-художественного клуба" при Советской секции писателей, художников и поэтов. Вместе с Кусиковым подался в члены литературного кружка "Звено".

Особенно нравились Сергею публичные выступления. Здесь он наслаждался восхищенными лицами публики, рукоплесканиями, толкотнёй и выкриками, всеобщей любовью к себе. Сергей весь в движении, в делах, в сплошном, непрерывном "деланье" своей славы. Хотя не только слава толкала его выступать перед публикой: "Жить было нечем, – писал Г. Устинов, – и он выступал в кафе "Домино", читая стихи, получая "за вечер" какую-ту пустяковую сумму". "Есенин в те годы был широко известен, – отмечает Надежда Вольпин, – но еще не знаменит... Поднимаясь на эстраду, он держал руки сцепленными за спиной, но уже на втором стихе выбрасывал правую вперед — ладонью вверх — и то и дело сжимал кулак и отводил локоть, *как бы что-то вытягивая к себе из зала — не любовь ли слушателя?*".

На фоне "мышинного писка" его сотоварищей, поэзия Есенина еще более, чем раньше потрясала слушавших его выступления. Прочитайте стихотворные опусы Мариенгофа или Шершеневича. Тягостное, жуткое впечатление они оставляют своей циничностью, изображением насилия, жестокости и разнузданности. На имажинистов сразу же накинута критика. "Новая группа дает слишком мало положительных художественных достижений; - напишут в журнале "Вестник жизни", - снова агитационный бум, широковещательные декларации и манифесты".

С эстрады Политехнического, кафе "Домино" или "Бом", имажинисты, как и другие группы вещали о себе в нетерпимо шумной, броской и подчас хулиганской манере.

"Мы пришли, великие обнажители человеческого тела".

Летом Есенин и Мариенгоф ездили в Петроград, встречались с Блоком, а заодно купили там цилиндры, которые "краснощекий немец за кассой" мог отпустить без карточки. Эти цилиндры принесли еще большую славу двум друзьям, каждый раз вызывая шумное одобрение или критику. Цилиндр для Есенина была очередной маской, которые он постоянно надевал, и которые были необходимы ему в жизни - каждая маска для своего дела. То маска "хулигана", развлекающая ошарашенную публику, то маска смиренного просителя, когда приходил он в большевистские "коридоры власти". Несмотря на связи Мариенгофа со своим земляком, заведующим Центропечати Б. Ф. Малкиным, приходилось и Есенину таскаться к нему для вымаливания всяческих льгот. На Центропечати зиждилось все благополучие имажинистского издательства. Вот и приходилось Есенину напрягать свое умение "просителя", то лестью:

— А знаешь, Борис Федорович, ведь тебя за это, я так полагаю, медалью пожалуют!

То работой под "мужичка", когда надо было в Московском Совете получить разрешение на книжную лавку. Есенин с Председателем Моссовета Л.Б. Каменевым говорил тогда на олонецкий, клюевский манер, округляя «о» и по-мужицки на «ты»:

— Будь милОстив, Отец рОдной, Лев Борисович, ты уж этО сделай.

Конечно, ни о какой самостоятельности имажинистов не могло быть и речи. Большевистская власть постепенно присматривалась к шумным и эпатирующим публику поэтическим группам. Нарком просвещения А.В. Луначарский взял под свой личный контроль футуристов. Прекрасные поэты: Маяковский, Хлебников, Каменский - пусть побесятся. Все равно им одна дорога, воспевать новое, рожденное в насилии и тотальном уничтожении лучших людей России, общество. Имажинисты тоже были под присмотром, скорее всего Льва Троцкого, который благожелательно относился к поэзии Есенина. Для этого в члены имажинистов приняли Якова Блюмкина, бывшего знакомого Есенина по его эсерскому прошлому.

Поэтому и шли дела имажинистов неплохо. В сентябре Есенин организует "Ассоциацию вольнодумцев", куда приглашались все "мыслители, художники, как то: поэты, беллетристы, режиссеры театра, живописцы и скульпторы". Он стремился расширить сферу своего влияния, стать новым центром культурной и художественной жизни столицы. Открыли со временем имажинисты и свое собственное кафе «Стойло Пегаса», которое находилось на Тверской улице, дом № 37. Раньше в этом же помещении было кафе «Бом», которое посещали главным образом литераторы, артисты, художники. Оборудовано оно было по последнему слову техники и стиля того времени, и когда его бывший владелец сбежал в Польшу, имажинистам не нужно было ничего ремонтировать и ничего нового приобретать.

Художник-имажинист Георгий Якулов нарисовал на вывеске скачущего «Пегаса», выкрасил стены кафе в ультрамариновый цвет, а на них яркими желтыми красками набросал портреты своих соратников и вызывающие цитаты из написанных стихов. Под стать оформлению кафе были и постоянные скандалы с публикой, которая приходила посмотреть на шумящих и хулиганствующих поэтов.

Именно в "Стойле" состоялось первое заседание "Ассоциации вольнодумцев". Вскоре Сергей получил разрешение на открытие книжной лавки. Шершеневич и Кусиков уже открыли свою, теперь очередь за Есениным. "Получив от Каменева разрешение на магазин, - вспоминает Мариенгоф, - стали мы с Есениным рыскать по городу в поисках за помещением и за компаньонами... Для открытия книжной лавки, кроме нее, требовался еще такой пустяк, как деньги и книги". Есенин и Мариенгоф достали и то и другое. Время было такое! Кругом захваты, реквизиции, экспроприация буржуйской собственности. Как все – так и мы. Магазин открылся. "Комната Мариенгофа и Есенина была завалена книгами, – вспоминал И. Старцев, приехавший в Москву, - которые они всюду скупали, собираясь открыть собственный магазин. На столе лежали счета, и Есенин своей торопливой заботливостью о пополнении ассортимента книг... производил впечатление делового коммерсанта".

На самом деле Сергей никогда коммерсантом не был. Хоть патент был выдан на имя Есенина, директором магазина был некий Айзенштадт, знаток и любитель книги. Есенин был непоседливый, сумбурный, зависящий от резких перепадов настроения. И. Розанов вспоминает, что если Шершеневич и Кусиков

действительно торговали в своей книжной лавке, "то в лавке «Художники слова» Есенин и Мариенгоф скорее только присутствовали. Есенин был тут вывеской, приманкой. Книжное дело вели другие лица". Со временем он стал знаменитым, этот «книжный магазин имажинистов". Был почти всегда переполнен покупателями.

Есенин не только среди своих друзей, знакомых, но часто во всеуслышанье, среди посторонних называл себя хозяином "Стойла Пегаса" и книжной лавки, всячески подчеркивал, что он богатый человек, подчеркнуто вынимал из кармана пачку крупных денег, что привлекало к нему со всех сторон нахлебников, любителей выпивки за чужой счет. Есенин был весел, бодр, психологически спокоен. Внешне он выглядел причудливо, в пальто с широким меховым воротником, с глянцевым цилиндром на голове, и в лакированных туфлях. К нему привыкли, его узнавали сразу, не удивляясь его причудливой внешности. Казалось, он знаком со всей улицей, с ним здоровались, его окликали по имени, смотрели вслед ему, одобрительно улыбаясь, считая, что этому человеку позволено одеваться, как ему заблагорассудится, жить по своему усмотрению, так как это — поэт Сергей Есенин, строчки которого каждый был в состоянии повторить.

"У Есенина была не только «легкая походка», о чем он говорил в своих стихах, – писал И. Розанов, – но весь он был легкий, светлый, быстрый и всегда себе на уме... Мне казалось, что Есенин дорожил своими друзьями-имажинистами, потому что они действительно были товарищами, ловкими и предприимчивыми. и не подавляли его своим авторитетом. Имажинизм давал ему возможность оттолкнуться от своего прошлого". Участие Есенина в имажинистской компании было комфортно для его психического самочувствия, для удовлетворения его увеличивающихся претензий на первенство.